

Николай Сладков

СКАЗКИ ЛЕСА

Художник Б. Игнатъев

«КНИГИ «ИСКАТЕЛЯ»

цу на голову и сунул в рот большущую гусеницу.

— Ничего себе! — ахнул Дрозд. — Папа втрое меньше сынка! На голове у него сидит!

— А сын-то и впрямь ни в мать, ни в отца... — прошептала Синица.

А было так. Кукушка подкинула горихвостам яйцо — и горихвостки высидели кукушонка. И считают его родным. И он их считает родными. И рады они друг другу и друг без друга никак не могут. А родная Кукушка птенца не признала. И он родную мать не узнал: они ведь никогда не встречались.

НЕПОСЛУШНЫЕ МАЛЫШИ

Вот и макушка лета — июль. Весенняя суматоха закончилась, осенние хлопоты ещё не начались. В жаркий полдень такая в лесу тишина, что кажется, в нём и не живёт никто. А если и живёт, то забот не знает. Но так только кажется: лес полон зверей и птиц, а забот у них даже прибавилось.

Сидел Медведь на поляне, пень крошил. Прискакал Заяц и говорит:

— Беспорядки, Медведь, в лесу. Малые старых не слушают.

— Как так?! — рявкнул Медведь.

— Да уж так! — отвечает Заяц. — Все по-своему норовят. Во все стороны разбегаются.

— Ну что ж, Заяц, пойдём поглядим, что к чему.

Пошли Медведь и заяц по лесам, полям и болотам. Только зашли в лес густой — слышат:

— Я от бабушки

ушёл, я от дедушки ушёл, я от мамы ушёл, я от папы ушёл!

— Это что ещё за колобок объявился? — рявкнул Медведь.

— И совсем я не колобок! Я взрослый Бельчонок.

— А почему тогда у тебя хвост куцый? Отвечай, сколько тебе годов?

— Не сердись, дяденька Медведь. Годов мне ещё ни одного. И с полгода не наберётся. Да только вы, медведи, живёте шестьдесят лет, а мы, белки, от силы десять. И выходит, что мне, полугодке, на ваш, медвежий счёт — ровно три года! Вспомни-ка, Медведь, себя в три годочка. Небось тоже

от медведицы стрекача задал?

— Что правда, то правда! — проворчал Медведь. — Год ещё, помню, за младшим братом присматривал, в пестунах-няньках, а потом сбежа-а-ал. Да на радостях, помню, улей разворотил. Ох и покатались же на мне пчёлы тогда — посеичас бока чешутся!

Пошагали Медведь с Зайцем дальше. Вышли на опушку и слышат:

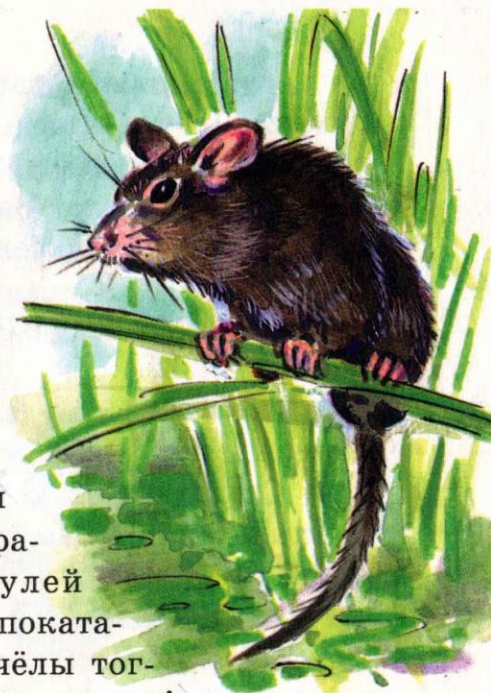
— Я, конечно, всех умней. Домик рою меж корней!

— Это ещё что за поросёнок в лесу? — взревел Медведь.

— Я, уважаемый Медведь, не поросёнок, я почти взрослый самостоятельный Бурундук.

— Отвечай, Бурундук, почему от матери убежал?

— А потому и убежал, что пора! Осень

на носу, о норе, о запасах на зиму пора думать. Тебе, Медведь, зимой забот нету: спишь да лапу сосёшь!

— Твоя правда! Забот у меня зимой мало, — пробурчал Медведь. — Идём, Заяц, дальше.

Пришли Медведь и Заяц на болото, слышат:

— Хоть мал, да удал, переплыл канал. Поселился у тёти в болоте.

— Слышишь, как похваляется? — зашептал Заяц. — Из дома удрал да еще и песни поёт!

Рыкнул Медведь:

— Ты почему из дома удрал, ты почему с матерью не живёшь?

— Не рычи, Медведь, сперва узнай, что к чему! Первенец я у мамы: нельзя мне с ней вместе жить.

— Как так нельзя? — не унимается Медведь. — Первенцы у матерей всегда любимчики.

— Мама моя — Водяная Крыса, — отвечает Крысёнок. — За лето три раза крысят приносила. Если всем вместе жить — то ни места, ни еды не хватит. Хочешь не хочешь, а расселяйся. Вот как, Медведушко!

Почесал Медведь щёку, посмотрел на Заяца сердито:

— Оторвал ты меня, Заяц без толку от серьёзного дела! Всполошил по-пустому. Всё в лесу идёт как тому и положено: старые старятся, молодые растут.

И отправился по малину.

ДУПЛЯНОЙ УТЁНОК

Тихо было в лесу, и вдруг крик:

— Помогите, проводите, потерялся!

Прискакал на крик Заяц и видит — Утёнок. Пуховичок. Чёрный с белым. Взъерошенный, перепуганный.

— Откуда в лесу Утёнок? — удивился Заяц. — Как ты сюда с болота попал?

— Потерялся я, — хнычет. — Где дом — не знаю. Помню, откуда-то выс-

кочил, а откуда — забыл. Проводите меня домой!

Проводить Зайцу не трудно — но куда? Успокаивает Заяц Утёнка:

— Повезло тебе, что я услышал, а если Лиса? Она бы тебя проводила... А куда тебя провожать? На болото, что ли? Все утки на болоте живут.

— А что такое болото? — спрашивает Утёнок.

— Вот так раз! — воскликнул Заяц. — Утёнок, а не знает, что такое болото! Болото — это вода и кочки.

— А деревья на болоте растут? — выяспрашивает Утёнок.

— Деревья растут в лесу! — фыркнул Заяц.

— Тогда веди меня в лес! — обрадовался Утёнок. — Мой дом на дереве был. Помню, что свысока летел, — как ткнулся носом...

Заяц даже остановился.

— Утки на дереве не живут.

— Я вправду с дерева грохнулся, — говорит Утёнок. — Домой хочу...

— Только не хнычь, расскажи-ка всё по порядку.

— Сидел я на пуховой подстилке, как на перине, — начал Утёнок. — С братьями и

сёстрами. Стены, помню, были, а наверху оконце. Так и светится! Я полез посмотреть — и вывалился...

— Не бывает в утиных гнёздах ни стен, ни окон!

— А в моём гнезде были! — не сдаётся Утёнок.

— Значит, ты совсем не Утёнок!

— А кто же я? — удивился Утёнок.

И в самом деле: как же не Утенок, когда Утёнок! Утиный плоский нос, утиные с перепонками лапы.

— Утки траву на кочке примнут, пуху с себя нациплют — и дом готов. Я бы такой дом и искать-то не стал, — уговаривает Заяц.

— А мой дом хороший был! — ноет Утёнок. — Хочу домой, хочу домой...

— Цыть ты! — крикнул Заяц. — Лиса услышит.

— Лису бо-

юсь, боюсь Лису! Хочу домой, домой хочу.

— Сейчас я тебе все лесные дома со стенами и с окошками покажу — а ты выбирай, который твой.

Идут Заяц с Утёнком по лесу. Заяц впереди, Утёнок — сзади. Подошли к куче валежника. В валежнике темнеет ком моховой в два кулака, сбоку — оконце-дырочка. Заяц нагнулся и спрашивает:

— Не твой ли дом?

— Не мой это дом, не мой! — запищал Утёнок. — Мой деревянный был, высокий!

— Опять за своё? — насупился Заяц. — Не бывает утиных домов деревянных.

— Бывает, бывает! — кричит Утёнок.

Неподалёку на ольхе ещё один дом со стенами и с оконцем. Похож издали на охалку хвороста, а из охалки чей-то хвост торчит длинный.

— И это не мой! — завопил Утёнок. — Домой хочу, домой!

— Да, это дом не его! — высунулась из

хвороста носатая голова. — Это мой дом, сорочий. А тот был — Крапивника. Во всём лесу только у нас с ним гнёзда со стенами и крышей. Да ещё у Ополовника — длиннохвостой синицы.

— Слышал? — нагнулся Заяц. — Только у них такие. А у уток таких не бывает.

— А может, он жил в дупле? — говорит Сорока. — Может, он из дупла вывалился? Эй, ты откуда вывалился такой?

— Утки, Сорока, не дятлы и не скворцы, чтобы по дуплам жить! — рассердился Заяц. — Утки — они водоплавающие, им подавай болото.

— Эй, а плавать-то ты хоть умеешь? — спрашивает Сорока Утёнка.

А тот знай своё:

— Хочу домой, хочу домой!

И тут вдруг на крики прилетела... Утка! Тоже тёмная с белым. Посмотрела на Утёнка и крикнула сердито:

— Я его там ищу, а он уже здесь!

Утёнок забыл про Сороку и Заяца — кинулся к Утке. На что уж Заяц быстрый, а еле его догнал. Отдышался и спрашивает:

— Первый раз вижу Утку в лесу! Неужели и вправду твой дом в дупле?

— На самом высоком дереве, — отвечает Утка.

— А как же Утёнок живым остался? — не отстаёт Заяц.

— Все живые! — крикает Утка. — Они у меня — как это? — вроде парашютистов: растопырят крылья и лапки — и планируют.

Навстречу Утке бежит весь выводок. Разобрались в колонну по одному и бегом за Уткой к реке. Хотя и лесные они, а утки! И поплыли, как обыкновенные утки. И стали нырять и плескаться, как обыкновенные.

новенные утки. Но всё-таки это были совсем не обыкновенные утки! Какие уж обыкновенные, если гнездятся не на болотных кочках, а... в дуплах больших деревьев! Удивительные дупляные утки. Утки-гоголи.

ОСЕНЬ НА ПОРОГЕ

— Жители леса! — закричал раз утром мудрый Ворон. — Осень у лесного порога, все ли к её приходу готовы?

Как эхо, донеслись голоса из леса:

— Готовы, готовы, готовы...

— А вот мы сейчас проверим! — каркнул Ворон. — Перво-наперво осень холоду в лес напустит — что делать станете?

Откликнулись звери:

— Мы, белки, зайцы, лисицы, в зимние шубы переоденемся!

— Мы, барсуки, еноты, в тёплые норы спрячемся!

— Мы, ежи, летучие мыши, уснём до весны!

Откликнулись птицы:

— Мы, перелётные, в тёплые края улетим!

— Мы, оседлые, пуховые телогрейки наденем!

— Вторым делом, — Ворон кричит, — осень листья с деревьев сдирать начнёт!

— Пусть сдирает! — откликнулись птицы. — Ягоды видней будут!

— Пусть сдирает! — откликнулись звери. — Тише в лесу станет!

— Третьим делом, — не унимается Ворон, — осень последних насекомых морозцем прищёлкнет!

Откликнулись птицы:

— А мы, дрозды, на рябину навалимся!

— А мы, дятлы, шишки начнём шелушить!

— А мы, щеглы, за сорняки примемся!
Откликнулись звери:

— А нам без мух-комаров спать будет спокойней!

— Четвёртым делом, — гудит Ворон, — осень скукою донимать станет! Туч мрачных нагонит, дождей нудных напустит, день укоротит, солнце за пазуху спрячет!

— Пусть себе донимает! — дружно откликнулись птицы и звери. — Нас скукою не проймёшь! Что нам дожди и ветры, когда мы в меховых шубах и пуховых телогрейках! А будем сытыми — не заскучаем!

Хотел мудрый Ворон ещё что-то спросить, да махнул крылом и взлетел. Летит, а под ним лес разноцветный, пёстрый — осенний. Осень уже перешагнула через порог. Но никого нисколечко не напугала.

КТО КУДА

Навострил Зайчишка уши — беспокойно что-то стало в лесу. Шорохи крыльев, пiski, свисты — все куда-то спешат.

— Эй, мухоловки, кукушки, иволги, — вы куда?

— На юг, Зайчишка, на юг! — отвечают птицы.

— А вы, ласточки, славки, пеночки?

— И мы на юг — пора!

— Что случилось, почему всем вдруг на юг понадобилось?

— А ты забыл, — отвечают птицы, — что сентябрь на дворе, осень уже пришла?

Плохо быть молодым — сеголеткой. Что творится вокруг — не понять. Кого спросить — неизвестно. «Сентябрь на дворе!» А что такое сентябрь?

— А разве тебе неизвестно, что птицы в сентябре начинают на юг улетать? — щебечут птицы.

— А на юге, значит, сейчас не сентябрь? — спрашивает Зайчишка.

— И на юге сентябрь! — заливаются пичужки. — Сейчас везде сентябрь: на юге и на севере, на востоке и западе.

— Вот и пойми их, — мается Зайчишка.

— Если везде сентябрь, зачем же куда-то лететь? Из сентября-то в сентябрь?

— На юге совсем другой сентябрь! — щебечут птицы. — На наш сентябрь совсем не похожий!

— Сентябрь на сентябрь не похож — это надо же! — расстраивается Зайчишка.

— Какой бестолковый Зайчишка! — рассердилась Кукушка. — Южный сентябрь это ещё лето, а наш — уже осень. Наше лето на юг ушло, а к нам с севера осень пришла. Неужели тебе непонятно?

— Что ещё там за осень? — прошептал Зайчишка потерянно. — Всё лето было, и вдруг осень какая-то появилась...

— Не какая-то, а ненастная. Дождь, ветер, холод. А там и зима: снег, мороз и метель. И голод! — рассказывает Кукушка.

Заяц даже зажмурился — холод и голод! Выходит, не зря все на юг удирают. А он не знает даже, в какой тот стороне. Где он, этот юг?

— Юг в южной стороне! — просвистела Иволга. — Если повернёшься головой к северу — позади будет юг.

— А север где? Куда мне головой поворачиваться?

— Повернись головой к югу — позади будет север!

— Так и вертеться мне, да? — захныкал Зайчишка. — Далеко ли хоть до этого вашего юга?

— До Чёрного моря две тысячи, до Средиземного две тысячи с половиной, а до

экватора — тысяч семь. Да не прыжков твоих, а километров.

— Целых семь тысяч! — ахнул Зайчишка. — Мне за всю жизнь до юга не доскакать.

— Нашёл, о чем горевать! — хрюкнул Ёжик из-под куста. — Эка невидаль — зима и осень. Я, брат, и с места не тронусь: завалюсь спать и просплю до весны.

— А я, Ёжик, так не умею. По ночам я совсем не сплю, а днём глаз сомкнуть не могу. Надо мной даже все смеются: «Заяц-то с открытыми глазами спит!»

Тут Белка словечко вставила:

— Слушай, Зайчишка, меня. Я ни на юг не убегаю, ни спать на зиму не ложусь. А ни холода, ни голода не боюсь.

— А уж я как боюсь, так уж боюсь! — хнычет Зайчишка. — Научила бы, что мне делать?

— Сплету на ёлке из мха и веток тёплый дом «гайно», — мечтает Белка. — А завтраки мои, обеды и ужины тут же рядом висят. Ты любишь, Зайчишка, еловые шишки?

— Я, Белка, травку люблю, цветочки. Особо капусту заячью...

— Про это ты лучше забудь, — стрекочет Белка. — Привыкай осиновую кору глодать.

— Горькая она, кора-то осиновая! — сморщился Зайчишка. — Горькая и невкусная.

— На морозе она тебе слаще мёда покажется! — Белка кричит. — Но ты очень-то не огорчайся, не один ты в лесу останешься, вместе не пропадём.

Зайчишка и тому уж рад, что не один зиму зимовать будет.

— Кто ещё с нами? — кричит.

— Тетерева, глухари, рябчики, — перечисляет Белка. — Дятлы, сороки, сойки.

Повеселел Зайчишка.

— Мыши, полёвки, бобры.

— Тоже родственная компания — грызуны! — подскакивает Зайчишка.

— Куницы, лисицы, волки!

— А эти-то нам зачем? — испугался Зайчишка.

— Не трусь, Зайчишка! — верещит Белка. — Главное, ушки на макушке держи.

Не очень-то Зайчишка всё понял, не очень-то во всём разберётся. Ещё и других научит.

СОРОКА И ДЯТЕЛ

— Всё стучишь, Дятел? — сказала Сорока. — Гляди, Ястреб тебя услышит.

— Стучу, Сорока, стучу, — отвечает Дятел. — А что делать, есть-то надо.

— А вот услышит Ястреб, потом увидит — что тогда? — опять спрашивает Сорока.

— Плохо тогда, Сорока.

— Ну, а если он услышит, а не увидит?

— Хорошо тогда, Сорока.

— Так понял ты теперь, что для тебя самое главное?

— Известно что: шишки долбить, семена глотать.

— Ничего ты, Дятел, не понял! Послушай-ка меня, Сороку. Главное — это чтоб тебя не увидели. Не видят — вроде бы тебя и нет.

— Как же меня нет? — удивился Дятел. — А где же я?

— Ох, молодой, ох, глупый! — рассердилась Сорока. — Вроде бы нет тебя, вроде! Ты есть, а вроде бы нет. Да знаешь ли ты, что такое «вроде»? Летим-ка, я тебе покажу.

Полетели Сорока и Дятел. Летят, смотрят — вокруг никого. Словно вымер лес.

— Учись! — кричит Дятлу Сорока.

— У кого же мне учиться, если нет никого? — отвечает Дятел.

— Вроде, вроде нет никого, а они все тут! — поучает Сорока. — Спрятались все, умеют. Не то, что ты!

Хотел Дятел на коряжку присесть, а та глаза как откроет! Не коряжка это совсем, а Сова затаилась. Вблизи не разберёшь: то ли сучок, то ли коры кусок.

— Догадываешься? — спрашивает Сорока. — Серая на сером — вот и не видно.

— А я чёрно-белый, ещё и шапка красная, — опечалился Дятел. — Куда мне такому деваться?

— Куда бы тебя приспособить? — задумалась Сорока. — Такого разноцветного. Для начала отбросим красную шапку; всё равно она у тебя вылиняет. Останется чёрное с белым. Повернись-ка спиной — чего больше? Вроде чёрного. Ну-ка, присядь на горелый пенёк!

Скакнул Дятел на пенёк, а пенёк под ним ожил! Замахал широкими крыльями, ущипнул дятла крепким носом. Это и не пенёк был, а косач-тетерев затаился.

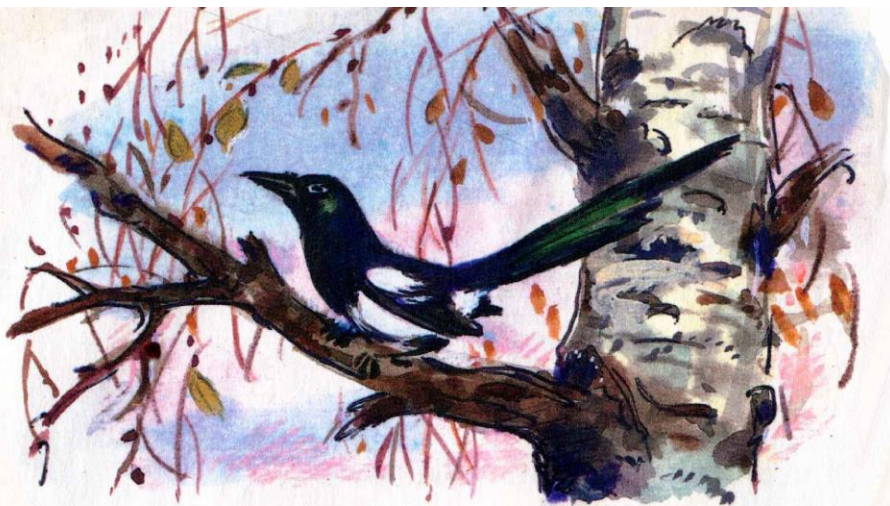
— Сижу, — кричит, — никому не мешаю, а он прямо на спину мне — как снег на голову!

— Какое он у тебя перо-то выщипал? — спрашивает Сорока. — Если чёрное, значит, белого больше теперь — сядь-ка вон на тот сугроб.

А я полюбуюсь со стороны. Дятел плюнулся на сугроб, а сугроб как подскочит! Это заяц Беляк на первом снегу лежал.

— Загадал я, — верещит, — разглядят

меня или не разглядят в новой шубке? Не разглядели. Значит, и Ястреб меня не увидит.

— Слышишь? — стрекочет Сорока. — Ястреб его не увидит, учись!

— Пока научусь — догола оциплют, — обиделся Дятел.

— И в кого ты такой уродился? — затахтела Сорока. — Ни чёрный, ни белый, не разберёшь какой. Стоп — да ты же в меня уродился! Ха, ха, ха! Ты чёрно-белый, и я бело-чёрная. У меня тебе и учиться, а мы, глупые, учителей по всему лесу ищем. Слушай меня внимательно. Зимой можешь вообще не прятаться, зимой лес, как мы с тобой, — чёрно-белый, но в остальное время, брат Дятел, поберегись! В остальное время мы с тобой у всех на

виду. И спасение нам одно — берёзка! Если что — прижмись к ней и замри. Чёрно-белый на бело-чёрном. Вот, смотри!

Села Сорока на ствол берёзы — и как её не бывало! Так, бугорок на бело-чёрной коре. А из бугорка два сучка. Или это сорочий хвост и нос? А кто его знает, тут даже Ястребу не разглядеть.

ВЕСЁЛЫЙ КРАПИВНИК

Все птицы и звери в лесу притихли — к зиме готовятся. На одного Крапивника угомону нет. По лесу шнырит, на весь лес трещит, во все щели свой нос суёт. Всех задевает, над всеми насмешничает. Узнал, в каком дупле летучая мышь Ушан спряталась, — и туда.

— Эй, Ушан, послушай — вопрос к тебе!

— Спрашивай, пока я не уснул ещё.

— Ты, говорят, в дупле вниз головой спишь. Неужели и сны вверх ногами видишь? Хи, хи, хи...

— Ах ты, бездельник!

— Хи, хи! — утешается Крапивник. — Засыпать станешь, не забудь уши под-крылья спрятать. А то за зиму ещё больше отвиснут!

Покричал и дальше. Разведаль, где Ёж на зиму под куст залёг, уселся рядом и заорал Ежу в ухо:

— Эй, Колючкин, уснул уже? Важный к тебе вопрос — как ты ухитряешься всю зиму на иголках проспать?

— Пустомеля ты!

— Хи, хи! — не понимается Крапивник. — Не забудь перед сном колючки пересчитать, а то, говорят, они у ежей не считаны!

И дальше по лесу. Видит — берлога, а в берлоге Медведь ворочается. Не уснул ещё.

— Эй, Топтыгин, спросить хочу!

— Охо-хо! — вздыхает Медведь. — Чего тебе?

— Не забыл ли лапы помыть, когда в берлогу ложился?

— Вот крапивное семя! Охо-хо...

— Хи, хи! О тебе же, Медведь, забочусь, тебе ведь лапы зимой сосать. А то говорят, что Медведь век не моется!

И дальше: с куста на куст, с валежины на валежину. Всех увидит, никого не пропустит, каждого заденет. Но на него сейчас не очень-то сердятся: на весь лес только его звонкий голосок и остался. Один он только о лете и напоминает.

СУД НАД ДЕКАБРЁМ

Собрались птицы и звери Декабрь судить. Уж очень все от него натерпе-

лись. Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— День Декабрь нам сократил, а ночь сделал длинной-предлинной. Кто за то, чтоб осудить Декабрь за такое самоуправство?

— Все, все, все! — закричали все.

А Филин вдруг говорит:

— Я против! Я ночью охочусь, мне чем ночь длиннее, тем сытнее.

Почесал Ворон коготком затылок. Судит дальше:

— В Декабре скучища в лесу — ничего весёлого не происходит. Того и гляди от тоски сдохнешь. Кто за то, чтоб Декабрь за скукоту осудить?

— Все, все, все! — опять закричали все.

А из полыньи вдруг высовывается Налим и булькает:

— Я против! Какая уж тут тоска, если я к свадьбе готовлюсь? И оживление у меня, и аппетит. Я с вами не согласен!

Поморгал Ворон глазами, но судит дальше:

— Снега в Декабре плохие: сверху не держат и до земли не дороешься. Измучились все, отоцали. Кто за то, чтобы Декабрь вместе со снегами из леса выставить?

— Все, все, все! — кричат все.

А Тетерев и Глухарь против. Высунули
головы из-под снега и бормочут:

— Нам в рыхлом снегу спится здорово:
скрытно, тепло, мягко. Пусть Декабрь остаётся.

Ворон только крыльями развёл.

— Судили, рядили, — говорит, — а что

с Декабрём делать — неизвестно. Оставлять или выгонять?

Опять закричали все:

— А ничего с ним не делать, сам по себе кончится. Месяц из года не выкинешь. Пусть себе тянется!

Потёр Ворон носище об лёд и каркнул:

— Так уж и быть, тянись, Декабрь, сам по себе! Да очень-то, смотри, не затягивайся!..

КУРОРТ «СОСУЛЬКА»

Сидела Сорока на заснеженной ёлке и плакалась:

— Все перелётные птицы на зимовку улетели, одна я, осёдлая, морозы и вьюги терплю. Ни поесть сытно, ни попить вкусно, ни поспать сладко. А на зимовке-то, говорят, курорт... Пальмы, бананы, жарница!

И слышит вдруг голос:

— Это смотря на какой зимовке, Сорока!

— На какой, на какой — на обыкновенной!

— Обыкновенных зимовок, Сорока, не бывает. Бывают зимовки жаркие — в Индии, в Африке, в Южной Америке, а бывают холодные — как у вас в средней полосе. Вот мы, например, к вам зимовать-курортничать с Севера прилетели. Я — Сова белая, они — Свиристель и Снегирь, Пуночка и белая Куропатка.

— Зачем же вам было из зимы да в зи-

му лететь? — удивляется Сорока. — У вас в тундре снег — и у нас снег, у вас мороз — и у нас мороз. Что же это за курорт?

Но Свиристель не согласен:

— У вас снега поменьше, и морозы полегче, и вьюги поласковей. Но главное — это рябина! Рябина для нас дороже всяких пальм и бананов.

И белая Куропатка не согласна:

— Вот наклююсь ивовых вкусных почек, в снег с головой зароюсь. Сытно, мягко, не дует — чем не курорт?

И белая Сова не согласна:

— В тундре сейчас спряталось всё, а у вас и мыши, и зайцы. Весёлая жизнь!

И все другие зимовщики головами кивают, поддакивают.

— Выходит, мне не плакать надо, а веселиться! Я, выходит, всю зиму на курорте живу, а даже не догадываюсь, — удивляется Сорока. — Ну и чудеса!

— Так-то, Сорока! — кричат все. — А о жарких зимовках ты не жалея, тебе на твоих куцых крыльях всё равно в такую даль не долететь. Живи лучше с нами!

Снова тихо в лесу. Сорока успокоилась. Прилётные зимовщики-курортники едой занялись. Ну а те, что на жарких зимовках, — от них пока ни слуху ни духу. До самой весны.